

АНТРОПОЛОГИЯ ИСКУССТВА

УДК 398.1; 7.01; 7.04; 7.067

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/217-235

Научная статья

© В. Б. Кошаев, Л. И. Миссонова

АНТРОПОЛОГИЯ ИСКУССТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

В статье рассматриваются предварительные междисциплинарные критерии понимания предметного поля искусства во взаимодействии антропологии и искусствоведения. Следует отметить методологическую перспективность комплексного изучения содержания субъектов искусства применительно к различным регионам мира. Важно, что теоретическим осмыслением российского поля культуры заняты ученые разных сфер науки. Уникальным и специфическим содержанием антропологии искусства, по мнению авторов, являются обстоятельства культуры в трех ее измерениях: сакральном/этно-нацио-религиозном, социоорганизационном, природопроизводственном, как частей «матрицы бытия», что необходимо для научного понимания объекта и предметов обсуждаемого научного направления. Антропологическая природа искусства в его этническом понимании фактически не имеет согласованных научно-практических обоснований. Систематизация факторов производственного, социального, религиозного укладов в культуре народов позволяет наряду с исторической периодизацией ввести в научный оборот типологический аспект, характерный для этнического искусства. Соответственно антропологическая/этнокультурная экспонента искусства должна быть проанализирована в причинно-следственных связях материального и духовного назначения «вещи» (человек-функция-форма). Эту мысль важно обсуждать в междисциплинарном диалоге, но нужно согласование и договоренность о некоторых категориях предметного плана и условиях их формулирования.

Ключевые слова: антропология искусства, антроп/человек и региональное и национальное искусство, канон-морфема, культурный архетип

Ссылка при цитировании: Кошаев В. Б., Миссонова Л. И. Антропология искусства: вопросы теории // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 217–235.

Кошаев Владимир Борисович — д. иск., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Б. Никитская, д. 3, стр. 1). Эл. почта: koshaev@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5211-5254>

Миссонова Людмила Ивановна — к. и. н., ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: missmila@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7376-3434>

UDC 398.1; 7.01; 7.04; 7.067

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/217-235

Original article

© *Vladimir Koshaev and Liudmila Missonova*

ANTHROPOLOGY OF ART: QUESTIONS OF THEORY

The article presents preliminary interdisciplinary criteria for understanding the subject field of art in the interaction between anthropology and art studies. It is important to highlight the methodological approach adopted in the comprehensive analysis of artistic content in relation to different geographical regions. It is crucial that scholars from diverse scientific disciplines engage in the theoretical comprehension of the Russian cultural field. The authors posit that the distinctive and particular content of the anthropology of art resides in the circumstances of culture, which may be understood in three dimensions: sacral/ethno-national-religious, socio-organisational, and nature-production. These dimensions may be conceived as parts of the “matrix of being,” which is essential for scientific comprehension of the object and subjects of the discussed scientific direction. There is currently no agreed scientific or practical substantiation for the anthropological nature of art in its ethnic understanding. The systematic classification of factors of production, social and religious modes of life within the cultural context of diverse peoples, in conjunction with historical periodization, enables the introduction of a typological dimension that is characteristic of ethnic art. Accordingly, the anthropological/ethnocultural aspect of art should be examined in the context of the causal relations between the material and spiritual purpose of the ‘thing’ (human-function-form). It is important to engage in interdisciplinary dialogue on this topic, but it is essential to reach a consensus on the categories of subject matter and the conditions for their formulation.

Keywords: *anthropology of art, anthropo/man and regional and national art, canon-morpheme, cultural archetype*

Authors Info: **Koshaev, Vladimir B.** — Doctor in Art, Professor, M. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: koshaev@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5211-5254>

Missonova, Liudmila I. — Ph.D. of Historical Sciences, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: missmila@iea.ras.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7376-3434>

For citation: Koshaev, V. B. and L. I. Missonova. 2024. Anthropology of Art: Questions of Theory. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 217–235.

О междисциплинарности

Междисциплинарный принцип был положен в основу проведения ряда научных семинаров и конгрессов по теме антропологии искусства. В результате появилась возможность рассматривать предметную сферу антропологии искусства в особенностях разных научных подходов. Это связано с тем, что процессы XX — начала XXI века изменили традиционную картину Образа Мира и взгляд на роль человека в обществе, культурном и природном ландшафте (об искусстве как средстве и методе

передачи междисциплинарных знаний о сакральном пространстве см.: Миссонова 2013), прежде всего в сторону экзистенциальных свойств его субъектности в условиях информационно-индустриального общества. Значительная роль в этом быстро изменяющемся процессе логично принадлежит не только гуманитарным предметам, но и правовым и естественно-научным дисциплинам.

На Сибирских чтениях 2022 г. в МАЭ РАН (Санкт-Петербург), а ранее в рамках XIV КАЭР (Томск), были проведены круглые столы по антропологии искусства (рук. Л. И. Миссонова, В. Б. Кошаев) междисциплинарного характера, что позволило объединить более шести десятков теоретиков и практиков — этнологов, антропологов, искусствоведов, художников, музейных сотрудников, кураторов, работающих в сфере народного и профессионального, традиционного и современного искусств. Также тема «Антропология искусства» в виде научного семинара была заявлена в 2020 г. в статусе междисциплинарной с тем, чтобы и для антропологии, и для искусствоведения появилась эмпирическая фактура, общая для обеих дисциплин, так как только факты физического наследия позволяют верифицировать идейные теоретические инициативы в гуманитарных науках.

Характерными являются знаки коммуникаций на оси физическое — духовное, благодаря которым человек «обнаруживает» самого себя в отношении других, не слишком важно, это древние татуировки или всеобщее увлечение тату с начала 90-х годов XX века в условиях распада действующей в прошлом веке советской социальной конструкции и потери ориентиров для национального самоопределения (например, см. японские рисунки коллекции (1879–1880) А. В. Григорьева в РГО, характеризующие бытие айнов: маркером социального статуса женщин служит татуировка «в виде трав и цветов или...узоров...»), при этом были отмечены случаи, когда «на одежде айнских женщин узоры запрещены», но необходимо ношение на шее красочно и детально продуманного в оформлении оберега *ситоки*: Щепкин 2022: 187, 198).

Вся история искусства свидетельствует об актах объектного саморазличения общностей. При этом целевые функции Образа Мира и человека в Мире в истории искусства неоднозначны, поскольку, и в Средневековье, и в Новое время искусство привязано к истории как таковой, но сформированная классическая структура искусствоведения, во-первых, не учитывала этнический компонент народного искусства, которое можно проследить в его каноническом виде с эпохи мезолита, а, во-вторых, в первой трети XX века историческая модель вообще «опрокинута» конструктивно-индустриальной эстетикой, но сохранена в концепции соцреализма в виде неоклассицизма, как наследника реализма XIX века. Как показал распад СССР в начале 90-х годов, модель социального устройства имела существенные пробелы в методологии атеистической идиомы.

Что же касается народного искусства, то оно существовало условно в СССР в двух формах: фольклорно-сценическом и художественно-промышленном в виде ручных «мануфактур». Этно/нацио/религиозный фактор оказался выключен вместе с атеизацией общественной жизни. Но у малочисленных народов ввиду относительной стабильности аутентичных практик с основой в виде историко-хозяйственного комплекса сохраняется основная образная система на оси «человек-духовные сущности мира-природная среда». Следует признать, что решить вопросы антропологии искусства на фоне разнообразных моделей различных дисциплинарных программ возможно, но это длительная и скрупулезная работа по связыванию элементов разных систем.

Вопрос методологии

Вопрос научного обеспечения предмета антропологии (от греч. *Anthropos* — человек, и *logos* — слово) трактовался еще в 1910 г. А. Н. Чудиновым двойственностью значений: со стороны физической и духовной (Чудинов 1910). К началу XXI в. формулировки в словарях в ряде случаев предельно упрощаются, тогда как само определение/наименование «антропология» широко входит в практическое функционирование. В Философском энциклопедическом словаре предмет трактуется как «наука о происхождении и эволюции человека» (Философский энциклопедический словарь 2010). В Философском словаре Спонвиля вообще ставится под сомнение вопрос того, что антропология может претендовать «на звание науки», поскольку «этнологии, социологии, психологии, лингвистики, истории и т. д. так и не удается объединиться в единую науку, которая и могла бы называться антропологией» (Конт-Спонвиль 2012).

Можно отметить, что категория «антропология искусства» вообще отсутствует в справочных определениях. Есть «антропология историческая», «католическая», «культурная», «философская», «структурная», «медицинская», «физическая». Также антропологию понимают как социологическое ответвление философской антропологии и др. Все перечисленное характеризуются, по сути, из функций человека (антропа) и его общественных значений «из наличия явлений и предметов, если речь об их бытии, но не их содержательного аспекта» (Касавин 2009; см. также: Ивин 2004; Общественное бытие 1983) и др. Такая позиция соотносится с современным знанием, в котором не было необходимости уточнять антропологию в отношении к искусству, эти функции «перекрывала» этнография, при описании быта и нравов народов. Отметим здесь, что философия, внесшая определенный вклад в понимание искусства средствами эстетики, оставляет без внимания народный материал, поскольку наука использовала идею просвещенческого антропоцентризма в его «историческом» значении, в то время как народная культура и искусство еще Ф. Буслаевым ввиду его основных признаков «коллективности», «традиционности», «вариантности» (Зубова 1977) и по сути определена в подчиненности космо-мифологическому сознанию, которое окормлено, по счастью, этнографией через интерес с XVIII века к культурному, социальному и производственно-технологическому потенциалу народной жизни.

Поэтому следует признать, проблема методологии нуждается в междисциплинарном обсуждении и основной вопрос здесь в объекте исследований. Например, если объектом антропологии является человек, то в искусствоведении это художественный предмет, созданный человеком. Проблема метода, таким образом, упирается в установление тождества наук, и очевидным обстоятельством такого тождества должно стать имя-интерфейс, в непротиворечивости всех дисциплинарных лакун. Осмелимся утверждать, что таким именем является категория «Образ Мира», в отношении которой следует признать, что она имеет типологический статус.

Эта особенность безусловно прочитывается в отношении обществ и малочисленных народов Севера и следует сказать, что искусство особенно ярко представлено в мифопоэтике устного предания и двух формах: одна связана с «предметно-пространственной средой», таксономически моделирующей Образ Мира на всех уровнях предметных форм и пространств; другая с обрядовой структурой, которая в отношении к искусству может быть определена как «образ действия». В силу специфических условий жизни: ландшафта (горы, степь, лес, лед, поречье, побережье океана), также технологической интенсивности, обусловленной численностью населения и принципами со-

циальной организации, каждый народ (этническая общность) имеет свой «Олимп», т. е. «родовой» пантеон духовных представлений (например, см. эпические тексты эвенков: Дулин буга 2013). Две морфологические линии обеспечивают связь с тем, что в мифологическом смысле остовом сознания целесообразно именовать «внешней Волей».

То есть, у малочисленных общностей мифоэпическое знание и его основа (внешняя Воля) сохранилось до настоящего времени в силу того, что миф есть «необходимейшая — прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая — категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это — подлинная и максимально конкретная реальность» (Лосев 2001: 35), особенно устойчивая в условиях воспроизводства цикла жизнедеятельности и жизненного уклада в ритуальном (сакральном) отношении и выполняет охранительную миссию для удовлетворения ежедневных витальных потребностей (яркие представления об этом, к примеру, даёт Пазырыкская культура: Николаев, Гук 2021; Ямаева 2021 и др.).

Если для многочисленных этнических общностей развитие мифологических преданий как основы духовного бытия оформлены эпосом, то у малочисленных народов, продолжающих свое историческое движение и сегодня, в силу географической раздельности, специфики языков, особенностей уклада, представлений о мироздании существуют в их родовой сути: в мифах и сказках того или иного народа. Сегодня есть примеры научного восстановления предполагаемой эпической формы. Так мордовским ученым удалось воссоздать эрзянско-мокшанский эпос «Масторава» (Шаронов 2020).

Даже с проникновением в родовую среду монотеистических воззрений, когда антропный принцип вписан в историческую субъектность, родовые начала искусства не исчезают, и общественный базис сегодня состоит из сочетания двух факторов: цивилизационно-государственного, в нашем случае российского общества; и родового, в разных формах представленного многочисленными народами России и условно Севера.

В связи с этим антропология искусства малочисленных народов содержит два типа отношений человек-мир. Первый это культурно-архетипические формулы этнической мифопоэтики и в целом народного искусства, связанного с календарно-производственными особенностями охоты, рыболовства, оленеводства. Этот тип представлений, ментально соответствует глубине мифологической памяти в виде «канона-морфемы» в народном/аутентичном искусстве с основой в виде графической модели космогенеза, которая прослеживается с эпохи мезолита. Архетипом в словарях (Archetypes; Archetyp) — «именуется класс психических содержаний, события которого не имеют своего источника в отдельном индивиде. Специфика этих содержаний заключается в их принадлежности к типу, несущему в себе свойства всего человечества как некоего целого» (Зеленский 2008: 17).

Основа второго типа культурных воззрений заключена в модусах монотеистических воззрений в виде «канона-метаморфемы»: человек живущий наделен абсолютными «правами» субъектности, дарованной способности автономного исправления жизни в заповедях библейского писания, устного предания и визуально-пластического (иконического) наследия (подробнее см.: Кошаев 2020).

Таким образом, проблема методологии — это «сложная и малоисследованная тема, она выходит далеко за пределы искусствоведческого анализа и связана с не-

обходимостью обращения к социокультурным основаниям исторической динамики всей системы искусств, к характеристике искусства как формы познания и понимания, к уточнению предмета искусства, к проблеме субъекта художественного освоения мира и пр. С общефилософских и культурологических позиций эти проблемы рассматривались в работах Ю. В. Борева, Г. П. Внялепова, В. Ф. Рябова, В. В. Селиванова, Л. Г. Юддашева и других исследователей» (*Горбунова* 1995).

Проблема объекта исследования

Прежде всего следует отметить, что в словосочетании «антропология искусства» *сложно определим объект исследования*. Если в антропологии объект — это сам человек и научные модальности в видах практик, то в искусствоведении (и этнографии, фольклористике) — это художественное произведение-вещь: чум, дом, ансамбль костюма, средства передвижения, сакральные зоны, устный, песенный и танцевальный фольклор и т. д., и природа вещей заключена в двух параметрах бытия: физическом и эстетическом. Физическое начало есть факт внутренней целесообразности вещи, а проекция на вещь эстетических представлений обусловлена фигурами почитаемых образов (декора, орнамента, композиционных фигур), а также средствами выразительности в правилах формообразования: размерности, масштабности, технологической эстетики, цветового, фактурного и текстурного и др. своеобразия. При этом физический план вещи — есть аспект художественной культуры, а вопрос духовного переживания принадлежит не вещи, но созерцающему человеку. И тогда искусство — это не само произведение, но «вдохновенное существование в Красоте Истины». И, если *Красота* определяется человеком в отношении гармонических начал мира, то *Истина* принадлежит не только человеку, но являет собой духовное основание космического универсума по факту «внешней Воли».

Проблема объекта привела к тому, что до настоящего времени само определение искусства не имеет согласования в академической науке. Искусствоведение давно и прочно базируется, во-первых, на гегелевском постулате — искусство есть «форма общественного сознания», а, во-вторых, в анализе художественного предмета. Это отражено во «Всеобщей истории искусства» в 6 томах и 8 книгах (1956–1966), «Истории искусства народов СССР» в 9 т. (1971–1982); «Истории русского искусства» в 13 т. (1953–1969), «Русской художественной школы» в 2 томах (1963, 1967) и др. Содержанию текстов показана также тесная связь творческого и общественного процессов и художественного образования. И методология искусствоведения существует сегодня в виде культурно-исторической и формально стилистической программ знания. Но, во-первых, парадоксом является отсутствие единства в понимании искусства со стороны философии. Обсуждение вопроса в Институте философии на семинаре 2016 г., который так и назывался — «Что такое искусство?» показало, что оснований для согласованной трактовки понятия искусства в философии нет (*Бакитейн и др.* 2016: 18–47). Тем более нет дидактически проработанных научных контекстов искусства народного/этнического, которое до настоящего времени трактуется весьма упрощенно ввиду ограничений нововременного метода. Поэтому тема антропологии искусства позволяет поставить вопрос о расширении методологической базы и создания методик исследований.

Сегодня можно говорить о дидактике знания о человеке из потребностей бытия, именно в его: а) этно/нацио/религиозных (в т. ч. сакральных); б) природопроизвод-

ственных; в) социоорганизационных факторах. Следующий вопрос состоит в том, насколько универсальны методологические принципы рассмотрения всех произведений искусства от эпохи мезолита до нашего времени (Рис. 2).

Типологический ракурс художественной культуры

Вопрос антропологии искусства по сути есть проблема понимания законов предметно-пространственной среды и систематизация доступных изучению вещественных объектов, что производится в искусствоведении на основе исторической периодизации (Рис. 1).

Рис. 1. Периодизация истории искусства (Прокофьев 1985)

В искусствоведение входит также сфера художественной критики и теория общего художественного процесса. Представляется, что сегодня исторической картины недостаточно и возникает потребность в дополнении ее типологическим принципом (как дополнении к исторической периодизации типологическим принципом), косвенно обнаруживаемым в работах Г. Гегеля (1770–1831), который всю историю искусства разделил на «символическую», «классическую» и «романтическую» стадии. *Символическая стадия* по Гегелю характерна для искусства Индии и Египта. *Классическая* — представлена эпохой расцвета искусства Древней Греции. *Третья стадия* — *романтическая*. Ей соответствуют наиболее музыка, живопись, поэзия — в них возрастает духовное начало.

Такие мотивы важны сегодня как никогда, и они намечались в поисках больших моделей культуры в частности Н. Я. Данилевским, предложившим т. н. цивилизационный подход, когда 13 «самобытных цивилизаций» сочетают в себе четыре основополагающих элемента: религиозный, культурный, политический, общественно-экономический (Данилевский 1991: 56; 88 и др.; Даренский 2020: 377). Цивилизационщиками были также русский историк искусства и культуры Ф. И. Шмит (Шмит 2012: 312), О. Шпенглер (Шпенглер 1993), Ар. Дж. Тойнби (Тойнби 1991; Ивин 2004). Отметим, что идеи авторов обращены к закономерностям культурно-исторического процесса и вопросы искусства упоминаются только у Н. Я. Данилевского и Ф. И. Шмита. В целом, завершеного соотнесения больших культурологических моделей с искусствоведческими проблемами не состоялось. Такие соображения как «... искусство воплощает исторический опыт народа в лично-выраженной форме...» (Даренский 2020: 377) носят очень общий характер.

Четкий типологический контекст культуры можно видеть в концепции канадского философа, социолога и литературоведа, Герберта Маршалла Маклуэна (1911–1980),

который характеризовал процессы культуры в зависимости от типа информационного сообщения: устного, письменного, др. (как «чистой информации»). Схожий типологический дискурс содержат идеи Ю. В. Рождественского, который рассматривал принцип семиотики культуры в языковых программах человечества и выделил такие аспекты: сознательная языковая деятельность в античности; правила христианской догматики в Средневековье; доктрина общественного договора в Новом времени (*Рождественский* 2003: 4; *Рождественский* 1996). Типологический метод в целостном рассмотрении искусства предложил В. Б. Кошаев, который в методах систематизации полагает необходимым рассматривать проблему содержания не в художественном, но культурологическом отношении (*Кошаев* 2009; *Кошаев* 2012; *Кошаев* 2020 и др.).

Сегодня антропологический аспект искусства северных народов и восточной Сибири важно понять как типологический феномен «морфема».

Вопрос типологической оценки искусства в соотношении с антропологией в том, что всегда будет необходимость в производстве вещей, всегда общество организовано как социальная система, и при этом всегда существует духовная нравственная ипостась жизни, запечатанная в религиозных поводах создания самих художественных сообщений. Три фактора образуют «матрицу бытия», и они преимущественно синхронны в своем развитии (*Рис. 2*).

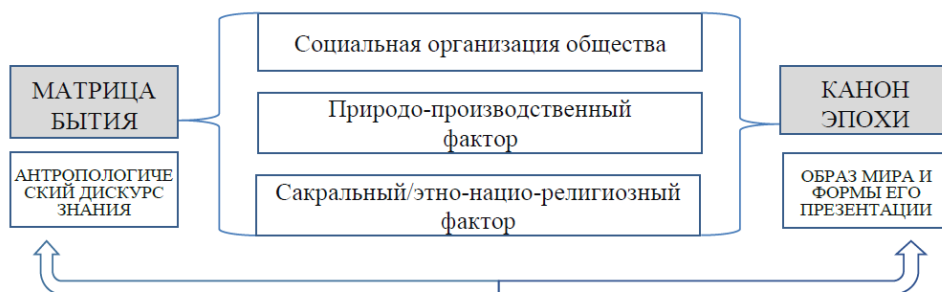

Рис. 2. Идея матрицы бытия в факторах культуры и искусства при определении художественного канона

1. *Природо-производственный фактор* меняется от начал «первичной производственной формы» — собирательства и охоты — к информационно-индустриальному. Соответственно, степень искусности вещи предполагает типы технико-технологического опыта, выявление законов эргономики и использование эстетики материала, изобретение конструкций, что в совокупности выявляет знаково-символическую программу фигур в образе вещи как типа художественного конструирования.
2. *Социально-организационная система* — параметр, обусловленный усложнением принципов организации мира в связи с факторами демографии. Родовые, племенные, протогосударственные образования в виде союзов племен, автономные Царства, затем государственные, впоследствии — федеративные и конфедеративные объединения предполагают рассмотрение антропологии искусства в прямой зависимости от идей социального коммуницирования.
3. *Сакральный/этно-нацио-религиозный фактор* свидетельствуют о смене анимистических воззрений конфессиональными и возникновении с какого-то времени того, что можно именовать религиозным паллиативом.

Первой типологической моделью является палеолитический контент искусства — «морф» и в общем смысле он связан с выработкой правил и приемов изофигур считааемых объектов биоценоза, и «Венерой» в идее ее всеобщего родящего начала.

От мезолита до средневековья в разных формах преобладает иная художественно-образная модель — тема космического универсума, дошедшая до нас условно в виде «морфемы» мироздания в народном искусстве. Ранним примером является мезолитическая антропоморфная фигура «Шигирского» духа-покровителя, также схематические темы охоты, сбора меда, военные сцены и др. В неолите система изображений представлена преимущественно декоративными и орнаментальными структурами мироздания, а в эпоху металла антропоморфный контекст декора развивается очень интенсивно. Канон морфема сохраняется сегодня в искусстве малочисленных народов и в народном искусстве в целом. В конце периода, в эпоху металла, возникли тематические решения в ряде культур, например, в скифском и пермском варианте художественного металла, где антропный контекст представлен необычайно ярко.

В средневековье Время-Космос в представлении человека обрел реверсивное тождество образу человека в каноне «метаморфема»: всеобщего личностного начала в монотеизме; и неличностного — в монизме. Многообразие предыдущих миропредставлений не исчезло и сохраняется как фольклор (эпос, былины, сказки, назидания), а также оно представлено в традициях декоративного и монументального искусства.

Новое время сформировало дополнительную модальность к метаморфеме — «антропоморфему».

XX век ознаменован практикой использования накопленных знаний для конструирования социальных конвенций ввиду новой реальности, и необходимости учитывать демографическое напряжение, когда человечество примерно с одного миллиарда на рубеже XIX — XX веков выросло до восьми миллиардов сегодня. Стало очевидно, что классическая причинность важна и необходима в регламентах самосохранения человека и общества, однако перспектива связана уже с темой неклассической рациональности. Признаками этого является вопрос канонической субъектности искусства.

Сегодня укрепляется идея того, что все разнообразие сакральных представлений, дошедших до нас в мифопоэтической форме связано с общей базовой категорией Единого. В частности, С. В. Иванов порой с трудом находил различия в искусстве коренных малочисленных народов Севера: «...Геометрические фигуры в виде решетчатых квадратов и ромбов с продленными сторонами известны в Сибири обским уграм, шорцам и кумандинцам... широко распространены... в орнаменте финноязычных и славянских народов, но известны также чувашам и казанским татарам... туркменам и киргизам... как правило, эти фигуры ... принадлежат к весьма стойким мотивам народного орнамента.» (Иванов 1963: 441). «Наиболее распространенным и принимаемым большинством археологов и этнографов является предположение, что ромбы и решетчатые квадраты представляют собой изображения небесных светил, в частности солнца» (Иванов 1963: 441–442). «При взгляде на эти узоры невольно возникают вопросы: чем объясняется сходство и даже тождество их на обширных пространствах Восточной и южной Европы, западной Сибири и частично Средней Азии, у различных по языку, хозяйственному укладу и культуре народов? Каким образом у них оказался один и тот же тип орнамента...? Где, когда и на какой основе сложился этот орнамент? ... Совершенно очевидно, что в данном случае нельзя усматривать причину сходства орнаментальных мотивов только в родстве народов,

в культурных связях и влияниях...» (Иванов 1963: 442; Рыбаков 1972). И следует замечательный вывод: «...Широкое распространение решетчатых узоров в их бесконечных вариациях заставляет предполагать наличие в прошлом более или менее единой основы для всей этой орнаментики...» (Иванов 1963: 443).

Далее этой констатации наука XX века не продвинулась по очень простой причине: отсутствия представлений о законах художественно-образных представлений — этнография, скажем так, не считала «Образ» ресурсом своего предмета, в том числе и потому, что философия не сумела или не хотела поднять этот камень. Причина в несовпадении методов наук. Философия оперирует категорией системности. Искусствознание — целостностью. В первой превалирует гносеология, во второй — эпистемология (Эпистемология. Грицанов 1999). Первая настроена на строительство Образа Мира в мышлении. Вторая осознает мир как Софию — Мудрость.

Метод типологии

Первоначально искусство не располагало аппаратом для создания имен и категорий, не было необходимости и в специальном словнике для объяснения красоты вещей. Терминологическая идеация была обусловлена тем, что можно именовать «внешней Волей» в мифологии. Человек как носитель художественного вдохновения априорно наделен родовыми, культурно-архетипическими установками, которые лежат в основе мифологического пантеона. Так в античности ремеслам покровительствовала Афина, и уже это одно означало, что совершенство материальных объектов и искусность мастера есть естественное основание красоты вещи: «...Рукомясло ... плотника, работа с вещами, внесение в материал разумного смысла... есть, очевидно, дело космической важности, вполне достойное того, чтобы им занялась сама Афина» (Аверинцев 2006: 554).

В средневековье Божественный Мир также наделен чертами абсолютной Красоты, и «внешняя Воля» в отношении предметно-пространственной среды и нематериального наследия обусловлена не мифологическим, но историческим содержанием красоты. В материалах VII (Никейского) Вселенского собора (787) постулируется: «Пусть рука искуснейшего живописца наполнит храм историями Ветхого и Нового завета, чтобы те, которые не знают грамоты и не могут читать Божественных Писаний, рассматривая изображения, приводили себе на память мужественные подвиги искренно послуживших Богу и возбуждались к соревнованию достославным и приснопамятным добродетелям» (Деяния 1891). То есть Средневековье с его интеллектуально-практическими образцовыми правилами языковой традиции в строго заданной образцовыми текстами догматике текстов и изображения (Рождественский 2003: 4) оформило понимание храмовой искусности как выражения Красоты жертвенного события — Крестного Подвига.

В варианте Нового времени средневековый аспект эмпирического созерцания искусства уступает мышлению, поиском законов которого заняты теперь философы, в частности Г. Гегель, опознавший искусство как «форму общественного сознания». И. Кант попытался усилить экзистенциальный аспект восприятия с помощью категории «продукт критики способности суждения» (вкуса). Примерно в одно время с Г. Гегелем творил И. Винкельман, который категорией «стиль» выделил искусствознание из всего комплекса гуманитарных и естественно-научных категорий и установил специфику художественности в ее стилевом значении. Замкнул процесс

родов искусствоведения Г. Вельфлин, дооформивший поиски и догадки о природе искусства в законах формального анализа на основе системы из пяти контрастных пар художественной формы.

Таким образом этнографический контекст народного искусства составлял его основу как доисторического феномена в границах антропоцентрического метода наук и формировался в XX веке в векторе народоискусствознания. А идея свободной Воли сложными и витиеватыми путями прокладывала себе дорогу в категориях декора и формы, красоты и пользы, утилитарного и эстетического и рассматривалась в отношении категории Образ Мира.

Вопросы антропологии искусства

В антропологических исследованиях второй половины XX — начала XXI в. появляются новые объекты изучения: «устность», «танец», «музыка» и др. (здесь необходимо вспомнить исследования М. Я. Жорницкой, Ю. И. Шейкина, О. Э. Добжанской и др.). Но в искусствоведческих исследованиях речь идет об интересах искусствознания самих по себе — вне междисциплинарных согласований при отсутствии сцепления научных парадигм и прежде всего в методах оценки связи этнорегионального и в целом культурного наследия, что подтверждает необходимость выведения в актуальное научное поле темы междисциплинарного взаимодействия как объединяющей.

В тематике круглого стола Сибирских Чтений МАЭ РАН, КАЭР и семинаров «Наука» и «Искусство» выступили как две сферы определения тенденций в целом, вызванные необходимостью соединения ежедневного и систематического понимания бытия на пересечении личностного, группового общественного, этнического и общечеловеческого восприятия мира, обращенных к проблеме формирования целостной картины мира. Ее этно/антропо/культурная составляющая актуализируется в стремительно глобализующемся культурно-информационном пространстве. Этническая (точнее — этнолокальная), региональная, национальная проблематика оказываются в центре художественного пространства, искусствоведческого и антропологического дискурсов России и стран Евразии. Отметим разносторонние проблемы в направлении исследований по антропологии искусства как в области методологии, так и практики. Наиболее востребованы оказались следующие широкие темы:

- «Академическая проблематика искусства в категориях “атропо”, “этно” и “социо” факторов теории» (среди обширного диапазона основополагающих вопросов обсуждались проблемы от философско-антропологических традиций художественного творчества до художественного объекта в этнографическом музее; отдельный интерес был проявлен к искусству Сибири, включая антропоморфную скульптуру каменного века, а также настоящее и будущее сибирского «стиля» в целом);
- «Антропология народного искусства в условиях модернизации жизни» (тема рассматривалась на вариантах огромного разнообразия региональных особенностей культуры Русского Севера, Амура, Урала и Поволжья, Татарстана и др.; большой интерес вызвала тема роли «куклы» в истории мировоззрения антропа в XVIII — XXI в.);
- «Социально-антропологические вопросы современного искусства» (были рассмотрены как бифункциональные связи художественного предмета с че-

ловеком и социумом в научном дискурсе, так и остро дискуссионные вопросы восприятия зрителем современного профессионального искусства и восприятия народного искусства в современном дизайне, а также молодежные художественные проекты; как и полагается, вопросы, которые ставит современное искусство, вызывали оживленные дискуссии);

- «Формы искусства, сопряженные с сакральными и иными воззрениями на мироустройство» (были затронуты глубокие темы скульптуры храмов русской провинции Севера, сакральных образов православия в профанном пространстве современности, орнаментальных свойств артефактов народного православия, аутентичной архитектурной среды старообрядцев Забайкалья, техно-анимизма в современном тюркском искусстве и мн. др.);
- «Этно-культурный ландшафт: мифология, фольклор, идентификация» (эта проблематика оказалась самой многогранной из перечисленных выше тем, она охватывает традиционные артефакты культуры как символы этнической идентификации, взаимосвязанные образы мифологии и фольклора, а также образы пространства в декоративно-прикладном современном искусстве; отдельного внимания требуют вопросы ритуализации творчества, каноны, включая запреты, заложенные в действия мастера и в суть самой вещи, в т. ч. материала, из которого она изготовлена; искусство индигенных народов служило и служит ныне отражением процессов идентификации в пространстве окружающей социокультуры).

Таким образом, собрав специалистов смежных дисциплин, удалось обозначить те пути, по которым необходимо развивать дальнейшие исследования в области антропологии искусства. Это направление в целом, с одной стороны, имеет давнюю историю. А с другой стороны, ныне оно призвано развиваться по-новому в соответствии с потребностями общества XXI века. При всем многообразии тем, именно этнокультурный принцип антропности определяет суть методологии антропологии искусства и характер научно-практических изысканий. Важно выделить обсуждение феномена «человека искусства» и «человека в искусстве», включая мифопоэтическую, реалистическую, символическую и прочие формы. Как ключевые можно отметить сюжеты, связанные с исторической динамикой фигуративности художественной картины мира и ее референтных значений (представления о времени, пространстве, культурном ландшафте, священных смыслов и т. д.). Важнейшими в культуре множества народов являются, к примеру, мифы о творении Мира / возникновении Земли (*Напольских* 1990). Методом связи человека и пространства в конкретной среде его обитания выступает художественно-образный синтез, в природе которого важнейшую роль играют представления о мире, отношениях людей, характер общественной и экзистенциальной самопрезентации, методология систематизации художественных объектов и явлений, образовательно-педагогической среды, программ сохранения и развития культурного и художественного наследия. Так, к примеру, обратим внимание, что в более ранних нимнгаханах первотворения (тунгусском эпосе) образ самого человека вовсе не предстает как главный героический персонаж. Лишь позднее можно отметить появление нимнгахан, «где на первое место основным героем-персонажем выходит человек» (*Варламова* 1996: 54 и др.). И в значение не персональности, в частности образа шамана, заложена проблема расшифровки антропологической природы самого мироздания.

Следует отметить, что проведению круглых столов и продолжению дальнейшей творческой дискуссии способствует ежемесячная (с ноября 2020 г.) работа междисциплинарного семинара по антропологии искусства. Семинар проводится Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН совместно с факультетом искусств МГУ им. М. В. Ломоносова, Российским государственным художественно-промышленным университетом им. С. Г. Строганова. (инициаторы и рук. Л. И. Миссонова и В. Б. Кошаев). На семинаре рассматриваются вышеперечисленные вопросы на примерах России (часто Сибири и Дальнего Востока), а также Евразии, и Тихоокеанского региона в целом. Взаимосвязанные темы по антропологии искусства многогранны:

- Искусство как форма выявления витальных потребностей человека;
- Мировоззрение в искусстве как историческое измерение человека;
- Человек и социогенез культурной, в т. ч. художественной среды;
- Пространство и время в антроповоззрении на мир;
- Искусство как отражение процессов формирования жизненного пространства;
- Самообнаружение и адаптация человека в изменяющемся мире средствами искусства;
- Искусство как способ прочтения, освоения и отображения окружающего пространства и мира;
- Методология антропоморфного и социокультурного моделирования пространства в этнографии/этнологии, искусствоведении, архитектурной науке, музееведении и др.;
- Что есть народное искусство: вчера, сегодня, завтра?
- Народное, прикладное, декоративное, изобразительное искусство, архитектура и дизайн в выражении идей антропоморфности;
- Земля, дерево, кость, кожа, керамика, металл, полимеры, синтетические материалы — на службе у социального и личного самовыражения, как основа искусства;
- Семиотика искусства в определении форм жизнеобеспечения человека;
- Законы исторических реминисценций знакообмена в искусстве;
- Как формируются отношения человека и общества при создании и восприятии предметов искусства;
- Представление о средствах и морфологии искусства как знаковой коммуникации в общественной жизни;
- Человек и вещь в музейном пространстве;
- Открытия в проектном мышлении и морфология вещи;
- Узоробразование и виды орнамента, закономерности их появления и изменения во времени и антропространстве различных сообществ;
- Образ вселенной в антропомире и отображение его в художественных формах разных временных и социально-политических эпох;
- Искусство как инструмент познания мира и объяснения его в категориях системности и целостности;
- Антропоморфное измерение формы в искусстве;
- Антропология метрики пространства: пропорции и системы измерения в физическом и образном прочтении;
- Проектные идеи дизайна в истории искусства и творчестве;

- Причины и принципы культурного многообразия;
- Народное и профессиональное искусство как проявление законов самоидентификации, сохранения и развития культуры отдельного народа и общества в целом;
- Понимание искусства в методологии систематизации художественных объектов и явлений;
- Новые и вечные формы художественно-эстетического восприятия мира;
- Вопросы антропологии искусства в концепции общего и профессионального образования;
- Педагогическая и образовательная методология в раскрытии принципов связи человека, общества, национальной культуры;
- Формирование представлений о моделях сохранения культурного разнообразия в пространстве России, Евразии, Тихоокеанского региона.

Вышеназванные круглые столы и семинары оказались крайне актуальными. Они ставят насущные вопросы перед специалистами различных сопредельных научных сфер. Являясь истинно витальной потребностью человека, искусство требует тактичного и внимательного подхода именно в междисциплинарном отношении.

В общем виде основной вопрос *антропологии искусства* состоит в том, чтобы определить, как объект антропологии (сам человек и его свойства) взаимосвязан с объектом искусствознания — художественным произведением (вещью): не с искусством как таковым, которое есть другой донаучный (пралогический по Леви Брюлю) феномен, определенный уже Г. Гегелем (*Гегель* 1929) как одна из форм «общественного сознания», а именно с искусствознанием, верифицирующим правила понимания идейных и эмпирических истоков художественного произведения. Без этого суждение об искусстве любой научной дисциплины будет суждением в границах дисциплины и в целях этой дисциплины. То есть, напрямую удовлетворять междисциплинарные интересы наук к искусству некорректно, и это порождает тактические и теоретические ошибки и бесконечные условности, несовместимые с научным методом. Даже в эстетике, которую именуют иногда философией искусства, призванной уточнить некоторый объективный ракурс во взглядах на природу «чувственного знания» ответить на вопрос «Что такое искусство?» оказалось невозможным, поскольку синопсис основной категории бытия в философии (бытие как таковое) не может объяснить эмпирическую природу вдохновенной чувственной красоты истины.

Самое простое и, как представляется наиболее объективное, — это рассматривать произведение как модальность самого человека. Каков человек — таково произведение. Модальность определяется культурологическими факторами, представленными *матрицей бытия* в триаде отмеченных факторов. Образ человека — носителя этнической культуры и соответственно антропология народного искусства складывается, как правило: из ручных технологий оснащения жизни в со-природном измерении; из отношений к «родовой» памяти; из типа социальных отношений в аутентичных формах семейной/общинной организации.

Вместе с тем, в *образе человека — представителя нации* и, соответственно в искусстве средневековья, нового времени, XX века наличествует субъектность Веры в монотеистической выказанности; сложная хозяйственная структура в фазах допромышленного производства вплоть до ручных мануфактур; и разные фазы государственного устройства социальной жизни. *Человек новейшего времени* понимает

вещь как итог индустриально-технологической, а теперь и индустриально-цифровой культуры; а религиозные и мировоззренческие представления — это своего рода качели по отношению к космическому универсуму. Все большее значение приобретают естественно-научные знания и, за рядом исключений, человек в этих качелях не перестает быть общинником. Но в случае больших религиозных систем прежде всего авраамических религий, он приобретает новое качество — абсолютную личную ответственность за отечество.

Основными в перспективе научного метода являются несколько вопросов.

1. *Онтософийный дискурс* бытия не «как такового», а в аспекте со-управления бытием, чему служит обрядово-ритуальная практика. Онтософия искусства — это тема изучения художественной реальности бытия искусства в триединстве материальных, организационных и религиозных форм и факторов земной жизни (подробнее см. Кошаев 2020: 44–74). Не мышление, но Мудрость Сущего предмет онтософии. Ущемление полноценного религиозного начала в определении «бытия как такового» ведет к тому, что до настоящего времени понятие искусства философия однозначно не определила, хотя его всеобъемлющее значение легко опознается как именно *духовное (вдохновенное) существование в красоте истины*, и в общем виде искусство есть не только тактическая модель духовного бытия, но стратегическая программа выживания.
2. *Феноменальный дискурс* предполагает адаптацию факторов эмпирического понимания и восприятия формы в антропологии искусства в совокупности:
 - естественно-научных факторах: биологии, физиологии, физики, математики, средств изображения и выражения, функциональные параметры;
 - семиотических факторах: знак, образ, символ, референт знака, структура объектов духовного почитания;
 - средствах изображения и выражения: точка, линия, пятно, объем, перспектива, визуальный перцепт;
 - факторах выразительности: статика-динамика, фактура-текстура, цвет-колорит, понятие дополнительного цвета, контраст тона, контраст цвета.
3. *Типологический дискурс* обусловлен каноническими характеристиками Образа мира в последовательности: *морф* в палеолите; *морфема* в мезолите, неолите, эпохе металла; *метаморфема* в средневековье, *антропоморфема* в новое время, *субъект-канон* в XX — начале XXI в. Все канонические модели архетипически устойчивы и их присутствие можно обнаружить как условие культурной идентичности, в частности, в XX веке через исследование вопроса неотрадиционализма, который может быть понят в природе трансформирования устойчивых архетипов прошлого в новых условиях.
4. *Морфологический дискурс* позволяет уточнить структуру родовых, видовых, жанровых аспектов творческой деятельности, а также объектов современного искусства, которые имеют неклассическую природу формообразования.
5. Наконец, еще один дискурс касается *механизма референции* в общественном и индивидуальном сознании с позиций целостного (телеологического) понимания Мира, представленного в философии, искусстве, религии как модальностей Единого духовного Начала. Сегодня есть необходимость и возможность междисциплинарной перегруппировки и преодоления упрощенной во многом схемы общественного семиозиса. Категорию бытия следует рассматривать не

в общих формулировках «бытия как такового», где очевидна сугубо феноменологическая причина неопределенности («кажущегося» существования), а в значении функций для жизни в отношении со-управления бытием. Важно сущностное основание бытия осознавать не в категориях мышления, как это предложил Иммануил Кант (Кант 1964: 83; Общественное бытие 1983), а в категориях софийности, в которой мышление разума-логоса есть инструмент онтологии в ее теологическом предопределении.

* * *

Таким образом, тема «антропология искусства» — относительно новое научное направление, обращенное к междисциплинарным вопросам исследований художественных феноменов, обсужденных на различных научных мероприятиях и научная перспектива связана с поиском ответов на социальные вызовы в пересечении современной антропологии и этнологии с положениями искусствознания, философии, музыковедения (фольклора), филологии и др. Междисциплинарность исследований восходит к условиям и содержанию жизни как матрице бытия: триединству природо-производственных, организационно-социальных и сакральных/этно-нацио-религиозных факторов. В XXI в. уживаются и гармонично сочетаются традиционные и новые технологии художественного творчества, что характерно в особенности, к примеру, в культуре и искусстве северных сообществ, со всей очевидностью фиксируемое на многочисленных современных выставках и фестивалях.

Научная литература

- Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Аверинцев С. С. София-Логос: словарь. Киев: Дух и литера, 2006. С. 25–49.
- Бакштейн И. М., Барабанов Е. В., Бычков В. В., Маньковская Н. Б., Петровская Е. В., Подорога В. А., Кротов Я. Что такое искусство? // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 4. С. 18–47. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2016-9-4-18-47>
- Варламова Г. И. Эпические традиции в эвенкийском фольклоре. Якутск: Северовед, 1996. 134 с.
- Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. Т. 1. М.; Л.: Государственное издательство политической литературы, 1929. 473 с.
- Горбунова Т. В. Изобразительное искусство в контексте культуры. Историко-культурологический анализ. Автореф. дисс. ... доктора философских наук. СПб., 1995. 31 с.
- Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
- Даренский В. Ю. Н. Я. Данилевский как художественный критик // Тетради по консерватизму: Альманах. № 3. М.: (Фонд ИСЭПИ), 2020. 468 с. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2020-0-3-366-378>
- Деяния Вселенских Соборов. Т. VII. Казань, 1891.
- Дулин буга Торгандунин = Торгандун среднего мира / Сост. А. Н. Мыреева. // Сер. Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 31. Новосибирск: Наука, 2013. 856 с.
- Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии. М.: Изд-во Когито-Центр, 2008. 336 с.
- Зубова Т. Д. Изучение народного искусства в 20–30-х гг. (В. С. Воронов, А. И. Некрасов, А. В. Бакушинский). Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 1977.
- Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока / Тр. Ин-та этнографии. Т. 81. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 500 с.
- Ивин А. А. (ред.). Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. 2004. 1072 с.

- Кант И. Сочинения. Т. 3. М.: изд-во «Мысль», 1964. 799 с.
- Касавин И. Т. (гл. ред. и сост.). Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Российская акад. наук, Ин-т философии РАН. М.: Канон+, 2009. 1247 с.
- Конт-Спонвиль А. Философский словарь. М.: Этерна; Палимсест, 2012. 750 с. https://philosophy_sponville.academic.ru/116/АНТРОПОЛОГИЯ
- Кошаев В. Б. Типология авангарда // Научные труды. VII Международная научно-практическая конференция «Роль дизайнера и искусства в культуре, науке и образовании XXI века». М.: НОУ ВПО МГТА, 2012. Т. 9. С. 62–81.
- Кошаев В. Б. Типология искусства // Теория и история искусства. № 3/4. 2020. С. 44–74.
- Кошаев В. Б. Типология художественной культуры и образное миромоделирование в искусстве // Мат. конф., научной выст., фотовыст. «Миромоделирование: гуманитарные и художественные процессы в общественной жизни» / сост. В. Б. Кошаев. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2009. С. 11–30.
- Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
- Миссонова Л. И. Многомерность пространства в мировоззрении и искусстве тунгусо-маньчжурской малочисленной этнической общности острова Сахалин // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 121–130.
- Напольских В. В. Миф о возникновении земли в прауральской космогонии: реконструкция, параллели, эволюция // Советская этнография. 1990. № 1. С. 65–74.
- Николаев Н. Н., Гук Д. Ю. Забытая находка из пятого Пазырыкского кургана // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 168–183. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-3\(13\)-168-183](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-3(13)-168-183)
- Общественное бытие и общественное сознание. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4611/ОБЩЕСТВЕННОЕ
- Прокофьев В. Н. Художественная критика — история искусства — теория общего художественного процесса: их специфика и проблемы взаимодействия в пределах искусствоведения / Прокофьев В. Н. Об искусстве и искусствознании. Статьи разных лет. М.: Советский художник, 1985. С. 266–279.
- Рождественский Ю. В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 325 с.
- Рождественский Ю. В. Философия языка. Культуроведение и дидактика: Современные проблемы науки о языке / Сост., ред., вступ. ст., коммент., указатель В. В. Яхненко. М.: Грантъ, 2003. 240 с.
- Рыбаков Б. А. Происхождение и семантика ромбического орнамента // Сб. тр. Научно-исследовательского института художественной промышленности. М.: Госместпромиздат, 1972. Вып. 5. С. 127–134.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 730 с.
- Философский энциклопедический словарь. М.: 2010. [электронный ресурс]. <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-192-2.htm#zag-352>
- Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб.: В. И. Губинский, 1910. 676 с.
- Шаронов А. М. Масторава. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2020. 500 с.
- Шмит Ф. И. Избранное. Искусство: Проблемы теории и истории. (Серия Российские пропилеи). СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. 312 с.
- Шпенглер О. Закат Европы. М.: «Наука», 1993. 592 с.
- Щепкин В. В. Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А. В. Григорьева. СПб.: Арка, 2022. 302 с.
- Эпистемология // Новейший философский словарь. Сост. А. А. Грицанов. Минск: Книжный Дом. 1999. [Электронный ресурс]. <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/622/epistemologiya.htm>
- Ямаева Е. Е. Мифологические основы алтайского эпоса. Мотив «Человек-птица против Одноглазого врага»: в контексте интерпретации материалов пазырыкской культуры // Кунсткамера. 2021. № 3 (13). С. 184–193. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-3\(13\)-184-193](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-3(13)-184-193)

References

- Averintsev, S. S. 2006. K uiasneniiu smysla nadpisi nad konkhoi tsentral'noi apsidy Sofii Kievskoi [To Clarify the Meaning of the Inscription Above the Conch of the Central Apse of St. Sophia of Kiev]. In *Sofiya-Logos: slovar'* [Sofiya-Logos: Dictionary], by S. S. Averintsev. Kiev: Dukh i litera. 25–49.
- Bakshstein, I. M., E. V. Barabanov, V. V. Bychkov, N. B. Mankovskaia, E. V. Petrovskaiia, V. A. Podoroga, and Ya. Krotov. 2016. Chto takoe iskusstvo? [What is Art?]. *Filosofskii zhurnal* 9(4): 18–47. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2016-9-4-18-47>
- Danilevskii, N. Ya. 1991. *Rossiiia i Evropa*. [Russia and Europe]. Moscow: Kniga. 574 p.
- Darenskii, V. Yu. 2020. N. Ya. Danilevskii kak khudozhestvennyi kritik [N. Ya. Danilevsky as Art Critic]. *Tetradi po konservatizmu: Al'manakh* 3: 366–378. <http://dx.doi.org/10.24030/24092517-2020-0-3-366-378>
- Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. 2010. <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-192-2.htm#zag-352>
- Gorbunova, T. V. 1995. *Izobrazitel'noe iskusstvo v kontekste kul'tury. Istoriko-kul'turologicheskii analiz*. [Visual Art in the Context of Culture. Historical and Cultural Analysis]. Dr. diss. abstract, Saint Petersburg State University. 31 p.
- Gritsanov, A. A. 1999. Epistemologiya [Epistemology]. In *Noveishii filosofskii slovar'* [The Latest Philosophical Dictionary], ed. by A.A. Gritsanov. Minsk: Knizhnyi Dom. 877 p. <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/622/epistemologiya.htm>
- Hegel, G. W. F. 1929. *Sochineniia*. [Essays.] Vol. 1. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 473 p.
- Iliichiov, L. F. (ed.), P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, and V. G. Panov. 1983. Obshchestvennoe bytie i obshchestvennoe soznanie [Social Being and Social Consciousness]. In *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaia enciklopediia. 840 p. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4611/ОБЩЕСТВЕННОЕ
- Ivanov, S. V. 1963. Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik (po materialam XIX — nachala XX v.). Narody Severa i Dal'nego Vostoka [The Ornament of the Peoples of Siberia as a Historical Source (Based on the Materials of the XIX — early XX Centuries). Peoples of the North and the Far East]. In *Trudy Instituta etnografii. Novaia seriia* [Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series]. Vol 81. Moscow-Leningrad: Nauka. 500 p.
- Ivin, A. A. (ed.). 2004. *Filosofia: Entsiklopedicheskii slovar'*. [Philosophy: An Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gardariki. 1072 p.
- Kant, I. 1964. *Sochineniia* [Essays]. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo Misl'. 799 p.
- Kasavin, I. T. (ed.). 2009. *Entsiklopediia epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science]. Moscow: Kanon+. 1247 p.
- Kont-Sponvil, A. 2012. *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Eterna; Palimpsest. 750 p.
- Koshaev, V. B. 2009. Tipologiya khudozhestvennoi kul'tury i obraznoe miromodelirovanie v iskusstve [Typology of Artistic Culture and Figurative World Modeling in Art]. In *Materialy konferentsii, nauchnoi vystavki, fotovystavki "Miromodelirovanie: gumanitarnye i khudozhestvennye protsessy v obshchestvennoi zhizni"* [Materials of Conference, Scientific Exhibition, Photo Exhibition "World Modeling: Humanitarian and Artistic Processes in Public Life"], ed. by V. B. Koshaev. Izhevsk: Udmurt State University. 11–30.
- Koshaev, V. B. 2012. Tipologiya avangarda [Typology of the Avant-garde]. In *Nauchnye trudy. VII Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia "Rol' dizaina i iskusstva v kul'ture, nauke i obrazovanii XXI veka"* [Scientific works. VII International Scientific and Practical Conference "The Role of Design and Art in the Culture, Science and Education of the XXI century"]. Vol. 9. Moscow: NOU VPO MGTA. 62–81.
- Koshaev, V. B. 2020. Tipologiya iskusstva [The Typology of Art]. *Teoriia i istoriia iskusstva* 3/4: 44–74.
- Losev, A. F. 2001. *Dialektika mifa* [The Dialectic of Myth]. Moscow: Misl'. 558 p.
- Missonova, L. I. 2013. Mnogomernost' prostranstva v mirovozzrenii i iskusstve tunguso-man'chzhurskoi malochislennoi etnicheskoi obshchnosti ostrova Sakhalin [The Multidimensionality of Space in the Worldview and Art of the Tunguso-Manchurian Small Ethnic Community of Sakhalin Island]. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii* 1(53): 121–130.

- Myreeva, A. N. (ed.). 2013. Dulin buga Torgandunin = Torgandun srednego mira [Torgandun of the Middle World]. In *Pamyatniki etnicheskoi kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of the Ethnic Culture of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East]. Vol. 31. Novosibirsk: Nauka. 856 p.
- Napolskikh, V. V. 1990. Mif o vozniknovenii zemli v praural'skoi kosmogonii: rekonstruktsiia, paralleli, evoliutsiia [The Myth of the Origin of the Earth in the Proto-Ural Cosmogony: Reconstruction, Parallels, Evolution]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 65–74.
- Nikolaev, N. N. and D. Yu. Guk. 2021. Zabytaia nakhodka iz piatogo Pazyrykского kurgana [A Forgotten Find from the Fifth Pazyryk Mound]. *Kunstkamera* 3 (13): 168–183. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-3\(13\)-168-183](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-3(13)-168-183)
- Prokofiev, V. N. 1985. Khudozhestvennaia kritika — istoriia iskusstva — teoriia obshchego khudozhestvennogo protsessa: ikh spetsifika i problemy vzaimodeistviia v predelakh iskusstvovedeniia [Art Criticism — History of Art — Theory of the General Artistic Process: Their Specifics and Problems of Interaction Within the Limits of Art Criticism]. In *Ob iskusstve i iskusstvoznanii. Stat'i raznykh let* [On Art and Art History. Articles of Different Years], by V. N. Prokofiev. Moscow: Sovetskii khudozhnik. 266–279.
- Rozhdestvenskii, Yu. V. 1996. *Obshchaia filologiia* [General Philology]. Moscow: Fond “Novoe tysiacheletie “. 325 p.
- Rozhdestvenskii, Yu. V. 2003. *Filosofiia yazyka. Kul'turovedenie i didaktika*. [The Philosophy of Language. Cultural Studies and Didactics]. Moscow: Grant. 240 p.
- Rybakov, B. A. 1972. Proiskhozhdenie i semantika rombicheskogo ornamenta [The Origin and Semantics of the Rhombic Ornament]. In *Sbornik trudov Nauchno-issledovatel'skogo instituta khudozhestvennoi promyshlennosti* [Collection of Works of the Scientific Research Institute of the Art Industry], ed. by L. K. Rozova. Moscow: Gosmestpromizdat. 127–134.
- Sharonov, A. M. 2020. *Mastorava* [Mastorava]. Saransk: Publishing house of Mordovian University. 500 p.
- Shchepkin, V. V. 2022. *Ainy glazami yapontsev: neizvestnaia kolleksiia A.V. Grigor'eva*. [Ainu through the Eyes of the Japanese: The Unknown Collection of A.V. Grigoriev.]. Saint Petersburg: Arka. 302 p.
- Shmit, F. I. 2012. *Izbrannoe. Iskusstvo: Problemy teorii i istorii. (Seriia Rossiiskie propilei)*. [Favourite. Art: Problems of Theory and History. The Russian Propylaea Series]. Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 312 p.
- Spengler, O. A. G. 1993. *Zakat Evropy* [The Decline of Europe]. Moscow: Nauka, 592 p.
- Toynbee, A. J. 1991. *Postizhenie istorii* [Comprehension of History]. Moscow: Progress. 730 p.
- Varlamova, G. I. 1996. *Epicheskie traditsii v evenkiiskom fol'klоре*. [Epic Traditions in Evenk Folklore]. Yakutsk: Severoved. 134 p.
- Yamaeva, E. E. 2021. Mifologicheskie osnovy altaiskogo eposa. Motiv “Chelovek-ptitsa protiv Odnoglazovogo vruga”: v kontekste interpretatsii materialov pazyrykской kul'tury [The Mythological Foundations of the Altai Epic. The Motif “The Bird-Man Against the One-eyed Enemy”: in the Context of the Interpretation of the Materials of the Pazyryk Culture]. *Kunstkamera* 3 (13): 184–193. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-3\(13\)-184-193](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-3(13)-184-193)
- Zelenskii, V. V. 2008. *Tolkovy slovar' po analiticheskoi psikhologii*. [Explanatory Dictionary of Analytical Psychology]. Moscow: Kogito-Centr, 336 p.
- Zubova, T. D. 1977. *Izuchenie narodnogo iskusstva v 20–30-kh gg. (V. S. Voronov, A. I. Nekrasov, A. V. Bakushinskii)* [Study of Folk Art in the 20–30s (V. S. Voronov, A. I. Nekrasov, A. V. Bakushinsky)]. Ph.d. diss., Moscow State University.